

Н. Долинина

Отец и сын

Старик Болконский невыносим. Он отравляет жизнь княжны Марьи нелепыми уроками математики. Он унижает дочь в присутствии посторонних — даже не просто посторонних, а человека, который приехал к ней свататься: «Ты при гостях причесана по-новому, а я при гостях тебе говорю, что вперед не смей ты переодеваться без моего спроса», «...уродовать себя нечего — и так дурна». Он замахивается палкой на своего управляющего Алпатыча за то, что он велел расчистить дорогу для едущих к князю гостей. И все это еще цветочки, ягодки — впереди: он разрушит счастье князя Андрея и Наташи, назначив бессмысленный срок — год — до их свадьбы и оскорбив Наташу грубым, почти издевательским приемом. После этого он совсем уж заест княжну Марью, отдалив ее от себя и приблизив к себе ничтожную мамзель Бурьен. И даже робкая, преданная, обожающая отца княжна Марья минутами будет, стыдясь и страшаясь самой себя, ждать его смерти — так он невыносим. Это будет позже, в 1812 году, но и сейчас, в 1805 году, он тяжел, характер его труден.

И все-таки мы почему-то любим старого князя. Я замечала: все дочери, у которых хорошие отцы, видят в Николае Андреевиче Болконском что-то от своих отцов.

Да, он крутенок, старый князь, и сын его знает, что отец тяжел, но если бы он, князь Андрей Николаевич Болконский, дожил до старости, не сомневайтесь: стал бы таким же деятельным, мудрым и нетерпимым, и деспотическим стариком, как его отец.

Старый князь Болконский напоминает лучших людей своей эпохи: Суворова, о котором мы знаем из истории, и Стародума, с которым познакомились в пьесе Фонвизина «Недоросль»; может быть, и умерший недавно отец Пьера граф Безухов был чем-то похож на этого трудного старика.

Как складывался его характер?

Екатерина II имела один бесспорный талант: находить и приближать себе ярких, умных, одаренных людей. Николай Болконский был среди них, а сын Екатерины, будущий император Павел, не был. Мать не любила и боялась сына, сын не любил матери и боялся ее.

В короткое царствование Павла любимцам Екатерины стало худо: лучшая судьба была — оказаться сосланным к себе в деревню; блестящие вельможи, привыкшие повелевать при дворе, так и не могли возродиться к полной жизни, когда после смерти Павла его сын Александр I вернул их из ссылки.

Князь Николай Болконский был горд и не поехал из деревни на зов нового царя. В Лысых Горах он жил при Александре так же безвыездно, как при Павле, но жил, а не доживал свой век.

«Он говорил, что есть только два источника людских пороков: праздность и суеверие, и что есть только две добродетели: деятельность и ум... Так как главное условие для деятельности есть порядок, то и порядок в его образе жизни был доведен до последней степени точности... ни приезд сына и никакие необыкновенные события не должны были нарушать порядка дня».

«Несмотря на то, что он был в отставке и не имел теперь никакого значения в государственных делах, каждый начальник той губернии, где было имение князя, считал своим долгом являться к нему и точно так же, как архитектор, садовник или княжна Марья, дожидался назначенного часа выхода князя в высокой официантской. И каждый в этой официантской испытывал то же чувство почтительности и даже страха, в то время

как отворялась громадно-высокая дверь кабинета и показывалась в напудренном парике невысокая фигурка старика...»

Сын и дочь по-разному относятся к причудам отца. Княжна Марья никогда — даже себе — не признается в том, что ей может быть трудно и тяжело от деспотизма старика. «Я не позволю себе судить его и не желала бы, чтоб и другие это делали», — резко говорит она в ответ на сообщение мамзель Бурьен, что князь не в духе. «Ах, он так добр!» — отвечает на признание маленькой княгини, что та боится старика. «Мне?.. Мне?! Мне тяжело?!» — испуганно и удивленно восклицает в разговоре с братом. — «Ты всем хорош, Andre, но у тебя есть какая-то гордость мысли... Разве возможно судить об отце? Да ежели бы и возможно было, какое другое чувство, кроме veneration (обожания), может возбудить такой человек?..»

Сын позволяет себе судить отца.

«— И те же часы и по аллеям прогулки? Станок? — спрашивал князь Андрей с чуть заметной улыбкой, показывавшей, что, несмотря на всю свою любовь и уважение к отцу, он понимал его слабости.

— Те же часы и станок, еще математика и мои уроки геометрии, — радостно отвечала княжна Марья, как будто ее уроки из геометрии были одним из самых радостных впечатлений ее жизни».

Увидев в столовой «огромную, новую для него, золотую раму с изображением генеалогического дерева князей Болконских», князь Андрей покачал головой.

«— Как я узнаю его всего тут! — сказал он княжне Марье... — у каждого своя ахиллесова пятка... С *его* огромным умом *donner dans ce ridicule!*» (поддаваться этой мелочности).

За что же можно любить этого странного, страшного и, может быть, немного смешного старика?

Вскользь, между прочим, Толстой заметит в следующей части, повествующей о войне: «князь Андрей пошел в свою комнату, чтобы написать отцу, которому он писал каждый день». Мы сможем оценить это вскользь сделанное замечание, когда узнаем, какой праздник был у Ростовых в день получения единственного письма от обожаемого Николеньки, а ведь Ростовы любят друг друга; но у них все иначе: Николай любит семейное тепло, оставшееся в ином, светлом и спокойном мире. Для князя Андрея нет двух миров: его и отца — отец всегда с ним, отцу важна каждая мысль сына, каждый его поступок, и сын, понимая слабости отца, не умеет обходиться без дружбы с ним. Вот какие у них отношения:

«— А! Воин! Бонапарта завоевать хочешь? — сказал старик и тряхнул напудренную головой...

— ...Нездоровы, брат, бывают только дураки да развратники, а ты меня знаешь: с утра до вечера занят, воздержан, ну и здоров.

— Слава богу, — сказал сын, улыбаясь.

— Бог тут ни при чем. Ну, рассказывай...»

В каждом его слове — весь характер: сильный, деятельный, прямой. «Ну, рассказывай!» И сын, «видя настоятельность требования отца, сначала неохотно, но потом все более и более оживляясь... начал излагать операционный план предполагаемой кампании».

«— Ну, новенького ты мне ничего не сказал», — заключил отец, и это была правда: князь Андрей только удивлялся, «как мог этот старый человек, сидя столько лет один безвыездно в деревне, в таких подробностях и с такою тонкостью знать и обсуживать все военные и политические обстоятельства Европы последних годов».

Непонимание и отчуждение между родителями и детьми возникает ведь не на пустом месте; оно, к сожалению, бывает закономерно: уставшие за долгую свою жизнь родители перестают интересоваться сегодняшним днем, не понимают интересов детей

и сами углубляют возникающую пропасть, расхваливая «свое» время и осуждая непонятное им новое.

Старый князь Болконский — сын своего века, он никогда не забывает своего звания генерал-аншефа и заставляет губернаторов дожидаться у себя в официантской, но и веяния нового века не проходят мимо него: «Князь, твердо державшийся в жизни различия состояний и редко допускавший к столу даже важных губернских чиновников, вдруг на архитекторе Михаиле Ивановиче... доказывал, что все люди равны, и не раз внушал своей дочери, что Михаила Иванович ничем не хуже нас с тобой».

Он весь состоит из противоречий, этот старый князь, но главное в нем — он живой; рядом с ним и князь Василий, и все гости Шерер духовные мертвецы. Немудрено, что князь Андрей вошел к отцу не с тем выражением, которое «он напускал на себя в гостиных, а с тем оживленным лицом, которое у него было, когда он разговаривал с Пьером».

Увидев князя Андрея, входящего в гостиную Шерер, я каждый раз стараюсь удержаться от одной назойливой аналогии — и не могу: он напоминает мне Печорина, Это антиисторично — Печорины придут через четверть века, совсем в другую эпоху. Но, тем не менее, я радостно удивилась, когда увидела, что о старом князе Болконском Толстой пишет: «Он засмеялся сухо, холодно, неприятно, одним ртом, а не глазами». Помните о Печорине: «глаза его не смеялись, когда он смеялся...» Конечно, это совсем разные люди: Болконские — оба! — прежде всего деятельны, Печорин прежде всего обречен на бездействие. Но и в Болконских живет страдание от невозможности применить все свои силы: отсюда неприятный смех старого князя, отсюда и многие страдания Андрея.

Мы еще не раз увидим, как они похожи, отец и сын. Отец все понимает, но не в его правилах обнаруживать свои чувства. Сдержанность отца воспитана и в сыне: в день отъезда, оставшись один, он был грустен, лицо его «было очень задумчиво и нежно». Но, услышав шаги сестры, он «принял свое всегдашнее спокойное и непроницаемое выражение».

Странно слышать, как княжна Марья называет его «Андрюша». Ей и самой «было странно подумать, что этот строгий красивый мужчина был тот самый Андрюша, худой шаловливый мальчик, товарищ детства».

Но ведь было же детство — и как для княгини Лизы или Элен оно было школой фальши, для Анатоля — школой безделья, а для Бориса — временем честлюбивых эгоистических мечтаний, так для Андрея, и Марьи, и для Льва Николаевича Толстого детство — это пора того света, тепла и чистоты, которые человек обязан пронести через жизнь, не показывая чужим людям, но бережно сохраняя для родных по духу. Детство князя Андрея ожило в нем, когда он лежал на поле Аустерлица под высоким небом, и когда он полюбил Наташу, и когда звал ее в избе под Мытищами, простив все горе, какое она ему принесла...

И теперь, прощаясь с сестрой, он хранит в душе свое детство, не показывая этого. Но его благородство, чистота и нежность — оттуда.

Княжна Марья робко говорит брату:

«У меня к тебе есть большая просьба.

— Что, мой друг?

— Нет, обещай мне, что ты не откажешь...»

Княжна Марья хочет благословить брата образом: «Его еще отец моего отца, наш дедушка, носил во всех войнах... обещай мне, что никогда его не будешь снимать. Обещаешь?»

— Ежели он не в два пуда и шеи не оттянет... Чтобы тебе сделать удовольствие... — сказал князь Андрей, но в ту же секунду, заметив огорченное выражение, которое приняло лицо сестры при этой шутке, он раскаялся. — Очень рад, право, очень рад, мой друг, — прибавил он».

Есть в нем и мягкость, и нежность, и умение бережно обращаться с человеком, и такт — все это есть для сестры, для отца, для Пьера, будет для сына, для Наташи, даже для едва знакомого ему капитана Тушина, а для жены ничего этого нет. Чужая она ему, как Курагины в свете, как штабные офицеры в армии. Чужая, но... жена. Женщина, с которой он связал свою жизнь. Мать его будущего сына. И никому он не позволит сказать о ней вслух то, что он сам знает. Прощаясь с женой, он еще из-за двери слышит ее веселый голосок и ту «фразу о графине Зубовой», которую «уже раз пять слышал при посторонних князь Андрей от своей жены». Как осудить его, когда, прощаясь, он, вздохнув, сказал только:

«— Ну, — ...и это “ну” звучало холодной насмешкой, как будто он говорил: “Теперь продельвайте вы ваши штуки”».

Но есть другое прощанье — с отцом.

«— Едешь? — И он опять стал писать.

— Пришел проститься.

— Целуй сюда, — он показал щеку, — спасибо, спасибо!

— За что вы меня благодарите?

— За то, что не просрочиваешь, за бабью юбку не держишься...»

Одно-единственное ласковое слово будет произнесено в этом прощальном разговоре отца с сыном, и, тем не менее, в этом разговоре ясно видна такая их любовь друг к другу, о какой и представления не имеет маленькая княгиня.

Сын просит отца послать в Москву за доктором, когда жене придет время родить. Андрей знает, что отец против врачей в таких случаях: «никто помочь не может, коли натура не поможет...»

«— Гм... гм... — проговорил про себя старый князь, продолжая дописывать. — Сделаю».

В этом «сделаю» — больше любви к Андрею, чем во всех обмороках маленькой княгини. Мы уже достаточно знаем старика, чтобы понять, как редко и с каким душевным трудом он поступает против своих убеждений. Но сын сказал: «это ее и моя фантазия» — и старик не вступает в спор. Он сделает.

«Он расчеркнул подпись, вдруг быстро повернулся к сыну и засмеялся.

— Плохо дело, а?

— Что плохо, батюшка?

— Жена! — коротко и значительно сказал старый князь.

— Я не понимаю, — сказал князь Андрей.

— Да нечего делать, дружок, — сказал князь, — они все такие, не разженишься. Ты не бойся; никому не скажу; а ты сам знаешь».

Секунду назад невозможно было себе представить, чтобы Николай Андреевич Болконский мог произнести такое слово: дружок... Но он произносит его, и в этом единственном слове вся его тревога за сына, и любовь, и гордость им, и печаль предстоящей разлуки. Но о жене князь Андрей не хочет говорить.

Ни княжне Марье, ни Пьеру, ни даже отцу — никому князь Андрей не скажет осуждающего слова о своей жене.

О себе — что он несчастлив — да. Но никаких упреков, обвинений. «Я не понимаю...» И старый князь прекращает разговор, потому что уважает в сыне личность и не позволяет себе, как это делают многие родители, вмешиваться в его интимную жизнь. «Я все сделаю. Ты будь покоен», «о жене не заботься, что возможно сделать, то будет сделано» — этих двух фраз довольно, чтобы Андрей спокойно уехал, зная характер отца.

Так же коротко и деловито старик показывает сыну, где лежат его записки, завещает, как с ними поступить в случае его смерти...

«Андрей не сказал отцу, что, верно, он проживет еще долго. Он понимал, что этого говорить не нужно».

Есть отношения — и хорошие отношения — между родителями и детьми, в которых неизбежен маленький налет фальши; между Болконскими фальши не может быть ни в чем, и оба знают это. Когда отец «крикливым голосом» говорит: «Коли тебя убьют, мне, старику, больно будет... А коли узнау, что ты повел себя не как сын Николая Болконского, мне будет... стыдно!» — Андрей отвечает:

«— Этого вы могли бы не говорить мне, батюшка».

Все ясно между этими двумя людьми. И просьба князя Андрея: если его убьют и родится сын, не отпускать его от себя, воспитать — тоже понятна старику.

«— Жене не отдавать? — сказал старик и засмеялся».

Они молча стояли друг против друга. Быстрые глаза старика прямо были устремлены в глаза сына. Что-то дрогнуло в нижней части лица старого князя.

— Простились... ступай! — вдруг сказал он. — Ступай! — закричал он сердитым и громким голосом, отворяя дверь кабинета».

Вот так же иод Бородиным Андрей закричит на Пьера. Так поступают они, эти трудные люди, в минуты волнения, пряча от всех свои чувства. Но когда Андрей вышел, «из кабинета слышны были, как выстрелы, часто повторяемые сердитые звуки стариковского сморкания».

А князь Андрей в это время, простившись с женой, «осторожно отвел плечо, на котором она лежала, заглянул в ее лицо и бережно посадил ее на кресло». Вот здесь-то и проявляется его сложное чувство к жене: чужая, но своя. И как бы ни было, жалеет он ее, хоть и старается это скрывать, так же как отец скрывает свою тревогу и боль за сына.

Трудные они люди. У Ростовых все будет наоборот: там плачут, прощаясь, и открыто радуются встрече — там все чувства наружу. Но в сдержанности Болконских есть своя правота, и чувства, скрытые за этой сдержанностью, не менее глубоки, чем те, что открыты всем.

Трудные они люди. Но кто сказал, что легкий человек — непременно хороший? Легкость удобна, вот с Борисом Друбецким — легко. А с Болконскими — нелегко, особенно со стариком, потому что он — не как все, он — сам, он — ЛИЧНОСТЬ. Этим-то и дорог, этим и побеждает нас, несмотря на все свои причуды.